

Они сблизились, став обладателями общей тайны, и с каждым днём их привязанность друг к другу лишь крепла. В тот день, когда небо уже начало темнеть, Гу Яньли, словно приклеенный, не желал отпускать Бай Цианя и упрашивал его остаться на ночь.

Бай Циань подумал о том, что из-за слабого здоровья никогда не оставался в школе с ночёвкой, а сейчас, когда время уже позднее, по возвращении домой ему пришлось бы долго объясняться с бабушкой и матерью. Он согласился и распорядился отправить слугу домой, чтобы предупредить родных. Гу Яньли пришел в такой восторг, что едва сдерживался: он думал о том, что теперь они с Бай Цианем будут вместе есть и спать, а разве не в этом заключается настоящая дружба?

Гу Яньли велел нянюшке Ван передать всё необходимое матушке Гу. Та, обрадовавшись, поспешила отправить для гостя всё то же самое, что было у её сына, включая новый комплект ночного белья для умывания и сна.

Увидев эти вещи, Гу Яньли зашумел:

— Зачем всё это? Разве Бай Цианю не хватит моих вещей?

Бай Циань лишь хотел прикрыть ему рот — он вовсе не собирался облачаться в его ярко-алые, лиловые и золотые одеяния!

Как только они вошли в комнату Гу Яньли, в глаза бросилась невероятная роскошь, свидетельствующая о богатстве клана Гу. Здесь стоял светильник из стекла и нефрита, там висели шторы из жемчуга с Южных морей, даже на пологе из тончайшего шелка золотыми нитями были вышиты плотные узоры лотосов. На столе небрежно стояла эмалевая чаша с крышкой, расписанная горными пейзажами, а в вазе в форме узелка с цветочными узорами на зеленом фоне красовались красные герани. Стены были увешаны копиями картин великих мастеров. Всё это загромождало комнату, и Бай Циань с изумлением подумал: — Настоящий вкус эпохи Цяньлун!

Ранее он бывал в покоях матушки Гу, где всё было изысканно и свежо. Глядя на то, как Гу Яньли каждый день щеголяет в ослепительных золотых нарядах, стараясь навесить на себя всё самое дорогое, он уже догадывался о его вкусах. Теперь же, увидев его комнату, он убедился в этом окончательно: Гу Яньли обладал редким талантом расставлять подлинные сокровища так, что они выглядели как безвкусные подделки.

Гу Яньли хотел было взять для Бай Цианя чашку из своего набора с узором переплетающихся цветов, но вдруг решил, что маленькая, пухлая ручка Бай Цианя будет смотреться с ней нелепо. Он позвал Тяньмо и велел принести из кладовой маленькую агатовую чашечку с ручкой в форме дракона.

Наблюдая, как Бай Циань пьет чай, Гу Яньли оглядел свою одежду, затем — лазурный халат друга с узором водорослей и рыб, и вдруг почувствовал, что вся эта обстановка совершенно не подходит Бай Цианю. От этой мысли всё вокруг стало казаться раздражающим, и ему захотелось разбить каждую вещь в комнате.

Бай Циань, заметив, что тот застыл на месте с отсутствующим видом, понял, что на него снова нашло оцепенение. Он похлопал по сиденью кресла, приглашая друга присесть, а сам отправился умываться.

Гу Яньли очнулся, выхватил у служанки полотенце и, подавшись вперед, с улыбкой произнес:

— Сегодня нам не нужны слуги. Давай умоем друг друга?

Бай Циань решил, что у того просто игривое настроение, и согласился.

Когда оба почистили зубы порошком с помощью щеток из конского волоса, Гу Яньли сполоснул руки и принялся осторожно погружать ладони Бай Цианя в воду, растирая их пудрой из душистых бобов и ароматным мылом с османтусом, а затем, забрав у служанки шелковое полотенце, тщательно вытер их.

После умывания водой с добавлением порошка из лекарственных трав — таких как древесина алоэ, цветы персика, дудник и другие — он остался недоволен результатом и крикнул служанке:

— Сходи к матушке, попроси розовый крем для лица и помаду!

Гу Яньли, будучи деспотичным вне дома, дома вел себя со служанками довольно мягко. Во-первых, это были люди его матери, а во-вторых, он считал, что через несколько лет они все выйдут замуж, поэтому не стоит придирается к мелочам. Служанки его не боялись.

Старшая служанка Цюэцин подошла и с усмешкой произнесла:

— Зачем же беспокоить матушку, третий господин? Можно воспользоваться нашими средствами, они ничем не хуже.

Гу Яньли нахмурился и рявкнул:

— Что за распушенность! Где нянюшка Ван? Ты должна была лучше следить за ними!

Он хотел продолжить отчитывать её, но Бай Циань, заметив, что Цюэцин от страха расплакалась, а её щеки залились краской стыда — она явно никогда прежде не слышала упреков от господина, — немедленно коснулся руки Гу Яньли, призывая его остановиться.

Нянюшка Ван, находившаяся в соседней комнате и слышавшая слова Цюэцин, была в ярости. Как она посмела быть такой дерзкой? Всё потому, что её прислала бабушка, и она возомнила, будто после взросления Яньли сможет стать наложницей, вот и перестала уважать старых нянек. Обычно служанки вели себя в комнате Яньли как хозяйки, играли в кости и сплетничали, а он позволял им всё. Нянюшка Ван была рада, что сегодня Яньли наконец-то проявил характер и приструнил эту девицу.

Она поспешно вошла, увела плачущую Цюэцин и принялась извиняться перед Гу Яньли, обещая заняться воспитанием слуг.

Бай Циань, заметив, что Гу Яньли всё ещё недоволен, сказал:

— Теперь моя очередь умывать тебя. Я не так искусен, как ты, так что не сердись, если сделаю что-то неловко.

Гу Яньли тут же просиял:

— Да я и сам справлюсь, не стоит утруждаться.

Он не хотел обременять Бай Цианя, но в то же время жаждал близости. Подумав, что расчесывание волос — дело несложное, он предложил:

— Если тебе так хочется что-то сделать для меня, может, расчешешь мне волосы?

Бай Циань согласился. Он бережно снял с головы Гу Яньли маленький венец с крупным нефритом и убрал его в шкатулку. Затем, пропуская черные пряди сквозь пальцы, он распутал их, взял гребень из слоновой кости и начал аккуратно расчесывать волосы, пока не убедился, что в них нет ни одного узелка.

Вскоре Гу Яньли не выдержал:

— Достаточно, достаточно! Я привык к такому уходу. Иди скорее в постель, согрейся, а я сейчас умоюсь и приду.

Сказав это, он выбежал из комнаты, даже не заботясь о том, что может зацепиться волосами за гребень. Бай Циань с улыбкой покачал головой, навел порядок на туалетном столике и, переодевшись, лег в постель ждать друга.

Едва Бай Циань улегся, а Чжулин поправила ему одеяло, вернулся Гу Яньли. Он нырнул под одеяло, с наслаждением выдохнул и велел Чжулин идти спать в соседнюю комнату, добавив, что здесь всё равно дежурят старые няньки.

Видя, что Гу Яньли ворочается и не хочет спать, Бай Циань похлопал его по плечу:

— Разве не лучше лежать спокойно и разговаривать? Мы выпускаем всё тепло, не надо шуметь, чтобы нас не пришли торопить.

Гу Яньли вытянулся под одеялом, коснулся руки Бай Цианя и обеспокоенно спросил:

— Почему твои руки такие холодные? Это моя вина, я впустил холодный воздух. Я согрею тебя.

Бай Циань хотел отказаться, но, видя, что Гу Яньли не отпускает его, позволил ему это сделать.

Поскольку они лежали очень близко, Гу Яньли почувствовал сладковатый, нежный аромат, в котором угадывались нотки молока. Он рассмеялся:

— Ты прямо как младенец, такой большой, а от тебя всё ещё пахнет молоком.

Бай Циань смутился и легонько оттолкнул его:

— В книгах пишут, что молоко укрепляет тело. Матушка велела мне каждый день выпивать чашку сладкого овечьего молока.

Гу Яньли сжал его руку:

— Больше не буду дразнить. С таким уходом, как у вас дома, кто сможет с тобой сравниться? Но откуда этот аромат? Это не запах благовоний, которыми обычно окуривают одежду, он такой приятный. Дай-ка я ещё понюхаю.

Бай Циань удивленно принюхался к себе:

— Дома одежду окуривают тем же ароматом, что стоит в нашем кабинете. Откуда мне сейчас пахнуть?

Гу Яньли приподнялся на локтях и, приняв себя, словно щенок, сказал:

— Это точно не те благовония. Я чувствовал этот запах в кабинете и думал, что это от одежды, но сейчас на тебе новое белье, как он может быть здесь?

Бай Циань, видя, что тот ведет себя как голодный щенок, не давался ему, и они весело провозились некоторое время, пока няньки за дверью не крикнули:

— Молодые господа, ложитесь спать! Завтра рано вставать на учебу, как бы старый господин не рассердился.

Только тогда они улеглись и начали шептаться.

Гу Яньли перестал баловаться, перебирал волосы Бай Цианя и спрашивал:

— Когда у тебя день рождения? Почему ты не позвал меня на праздник?

Бай Циань ответил тихо:

— Мой день рождения был двадцатого числа второго месяца. Разве принято приглашать господ к слугам? То, что бабушка пришла к нам на празднование Нового года, уже большая честь. К тому же за все эти годы ты ни разу не приходил, отец не посмел бы тебя пригласить.

Гу Яньли хотел приподняться, но Бай Циань прижал его обратно, велел говорить тише.

Гу Яньли, обиженно надувшись, прошептал ему на ухо:

— Давай забудем о том, кто здесь господин, а кто слуга. Если я пропущу твой день рождения в будущем, пусть я стану щенком. Мой день рождения шестого числа одиннадцатого месяца, придешь? Не нужно подарков, просто приходи, и всё.

Бай Циань усмехнулся:

— Ты только что учил слуг правилам, а сам их нарушаешь.

Гу Яньли снова принялся ластиться, говоря всякие нежности о том, что у него нет верных друзей и что он счастлив видеть Бай Цианя. Бай Циань, смутившись от таких слов, в конце концов согласился.

Гу Яньли не осмелился признаться, что раньше ненавидел Бай Цианя, потому что Гу Шань постоянно ставил того в пример, подчеркивая, насколько Яньли невоспитан. Поэтому он никогда не ходил на его праздники и каждый год закатывал истерики матушке, чтобы не ехать в дом семьи Бай.

Кто бы мог подумать, что после личной встречи ему захочется проводить с Бай Цианем каждую минуту? Небеса знают, откуда у него столько слов, которыми хочется поделиться. Даже увидев красивый цветок на дороге, он хотел сорвать его и подарить другу, чтобы порадовать его.

Сейчас он понял, что слова отца были золотыми истинами: Бай Циань действительно был прекрасен.

Бай Циань пообещал, что в этом году придет на его день рождения. Поскольку он не любил шумные компании, Гу Яньли поспешил добавить:

— Родственников, конечно, придется пригласить, но из друзей я позову только самых близких. А когда они уйдут, мы попросим поваров накрыть стол, и поедим вдвоем в тишине, хорошо?

Раз он так просил, Бай Циань, хоть и чувствовал, что его одолевает сон, нашел в себе силы кивнуть.

Видя, что глаза Бай Цианя закрываются, Гу Яньли заботливо подоткнул ему одеяло и принялся гладить его, убаюкивая. Когда дыхание Бай Цианя стало ровным и глубоким, Гу Яньли тихо позвал нянюшку Ван и велел ей завтра утром принести чашку сладкого овечьего молока. Убедившись, что всё готово, он наконец уснул.